

Юноша проворно поставил поднос на стол, подбежал к Бай Линъюню, присел перед ним на корточки и принялся рукавом стирать грязь с его испачканного ворота.

— Господин Бай, вам нехорошо? Может, позвать господина Ху, чтобы он вас осмотрел?

Бай Линъюнь покачал головой и накрыл ладонью руку юноши:

— Хватит тереть, только одежду себе испачкаешь.

Мальчик поднял голову и широко улыбнулся:

— Да что это за грязь? Разве она сравнится с той жижей, что в придорожной канаве?

Бай Линъюнь нахмурился и, взяв юношу за локти, поднял его с пола. Мальчик выглядел таким худым и щедедушным, что казался совсем невесомым.

Юноша захлопал глазами, внезапно осознав, какую глупость сморозил. Как он мог сравнить господина Бая с вонючей, гниющей канавой?

Он с глухим стуком опустился на колени и, пока Бай Линъюнь изумленно наблюдал, начал бить поклоны, со слезами в голосе умоляя:

— Простите, господин Бай, я сказал не подумав. Простите, простите, только не прогоняйте меня...

Бай Линъюнь никогда не сталкивался с подобным. Увидев, что человек падает перед ним на колени, он поспешно отступил в сторону и, ухватив юношу за плечи, поставил его на ноги.

— Ну чего ты, в самом деле? Зачем встал на колени?

Лицо мальчика было изборозжено грязными слезами, из-за чего он выглядел довольно комично.

— Господин Бай, не выгоняйте меня, ладно? Я буду усердно работать.

Бай Линъюнь потянулся к рукаву и принялся вытирать чумазое лицо юноши.

— Не прогоню я тебя. Перестань плакать. Мужчина должен сдерживать слезы, даже если проливает кровь. Разве подобает лить слезы из-за пары слов?

Услышав, что его не выгоняют, мальчик тут же сквозь слезы просиял. Кто сказал, что господин Бай бессердечен? Он ведь самый добрый человек на свете.

— Господин Бай, давайте я помогу вам переодеться.

Бай Линъюнь похлопал юношу по худому плечу:

— Не нужно, я сам. Сходи лучше принеси воды.

— Слушаюсь! — звонко отозвался мальчик и, подпрыгивая, выбежал из комнаты.

Бай Линъюнь вздохнул. О горестях старого феодального общества он знал лишь понаслышке. Его дед, Бай Цзэфан, был основателем знаменитой труппы пекинской оперы и прошел через все исторические потрясения. В современности деда называли бы великим мастером и народным артистом, но в те времена его профессия считалась низшей из низших. Мало кому из тех, кто работал с его дедом, удалось закончить жизнь благополучно.

Старики, как бы тяжело им ни жилось, любили вспоминать прошлое. К тому же та эпоха стала великим переломным моментом, о котором было написано повсюду: в книгах, фильмах и учебниках. Бай Линъюнь вырос на дедовских рассказах, поэтому знал о том времени больше других.

Он потер подбородок. Сидеть сложа руки — не в его характере. Раз уж сейчас не удастся разобраться в ситуации, нужно заняться чем-то более насущным.

Рядом с кроватью стоял массивный платяной шкаф, полный добротной одежды. Бай Линъюнь наугад вытянул одну вещь и пощупал ткань — она была высшего качества. В эпоху, когда большинство людей голодало, одно такое платье могло прокормить обычную семью три месяца.

Найдя самую толстую атласную куртку, он переоделся и почувствовал, что стало гораздо теплее. Пока переодевался, он бегло осмотрел свое тело. Сомнений не осталось: оно было точной копией его собственного, даже красная родинка на внутренней стороне предплечья была на месте.

Это невольно навело его на мысли о теории параллельных миров. Неужели один и тот же человек может существовать в разных измерениях, а из-за какого-то сбоя душа из одного мира попала в другой? Но если так, то куда делась душа того, кто жил здесь?

Вскоре Бай Линъюнь окончательно запутался в собственных догадках. Раздражение нарастало, голова начала гудеть. К счастью, вернулся юноша с водой, прервав поток его мыслей.

Мальчик вошел с полным тазом горячей воды. Видя, как его шатает под тяжестью, Бай Линъюнь поспешил забрать таз.

Юноша смущенно покраснел и пробормотал:

— Господин Бай, не выгоняйте меня, я обязательно наберусь сил.

Бай Линъюнь с улыбкой покачал головой, окинув взглядом его костлявую фигуру:

— Чтобы набраться сил, нужно хорошо питаться. С такими тонкими ручками и ножками откуда взяться силе, если не есть досыта?

От этих слов мальчик покраснел еще сильнее, а в животе у него предательски заурчало.

Бай Линъюнь плеснул воды на руки и кивнул мальчику:

— Если не брезгуешь, иди умойся.

Тот замер, испуганно замахав руками:

— Нет-нет, эта вода для вас, глава труппы Чэнь специально велел кухне ее нагреть.

Вода была роскошью, а разжечь огонь — еще большей. Когда люди едва сводили концы с концами, дров на всех не хватало.

При упоминании главы труппы Чэня голова Бай Линъюня снова отозвалась болью. Что за напасть? Из знаменитого артиста он превратился в актеришку низкого пошиба. Работа та же, но статус — небо и земля. Вернее, в это время у актеров вообще не было никакого статуса.

Бай Линъюнь цокнул языком:

— Ты кого слушаешься — главу Чэня или меня?

Юноша, ни секунды не колеблясь, ответил:

— Вас, господин Бай.

Это было не только потому, что от господина Бая зависела его судьба, но и потому, что он считал его добрым человеком. А мать учила: слушайся добрых людей.

Бай Линъюнь довольно кивнул на таз:

— Иди умойся.

Мальчик подошел и, не раздумывая, окунул лицо в воду. Бай Линъюнь дернул глазом, отошел к столу и уставился на мерцающую керосиновую лампу.

Когда юноша закончил умываться и собрался вытереться подолом, Бай Линъюнь его остановил:

— У изголовья есть полотенце, возьми его.

Мальчик склонил голову набок:

— Что такое полотенце?

Бай Линъюнь замер, прикрыл рот рукой, кашлянул и поправился:

— Тряпица. Тряпица, чтобы вытирать лицо.

— А-а, — понимающе кивнул юноша. Он подумал, что господин Бай, как всегда, поражает своей образованностью — слова такие использует, что он даже не слышал никогда.

Умывшись, мальчик встал перед Бай Линъюнем, чтобы тот проверил результат — он понимал, что господин Бай был недоволен его грязным лицом. Тот одобрительно кивнул.

Присмотревшись, Бай Линъюнь почувствовал, как просыпается профессиональная привычка. Ребенок был милостивым, с тонкими чертами лица — из него вышел бы отличный исполнитель женских ролей. Но тут же он нахмурился: в наше время ни одна приличная семья не отдаст ребенка в актеры.

Видя, как Бай Линъюнь то кивает, то хмурится, юноша решил, что плохо умылся, и потер впалую щеку. Кожа уже горела, неужели все еще не чисто? Может, сходить еще раз?

Бай Линъюнь постучал пальцем по столу, призывая его сесть. Мальчик нерешительно опустил на табурет напротив. Бай Линъюнь пододвинул к нему чашку с едой:

— Ешь.

— А? — глаза мальчика расширились от удивления.

Бай Линъюнь вздохнул, взял руку юноши и вложил в нее палочки:

— Только сытый человек может набраться сил.

Мальчик оцепенело смотрел на еду, сглатывая слюну. У него в животе заурчало еще громче. Бай Линъюнь больше не смотрел на него, он поднялся, подошел к кровати, снял обувь и укрывшись одеялом. В комнате было так холодно, что пальцы ног начали коченеть.

Мальчик следил за каждым его движением. Свет лампы был тусклым, и он видел лишь силуэт господина Бая, не различая выражения его лица. Стиснув зубы, он принялся жадно поглощать жидкую кашу, а затем быстро расправился с двумя блюдами закусок. Еда была холодной, и он ел так быстро, что не успел даже почувствовать вкус, но знал, что это был самый вкусный обед за последние полгода.

Холодная еда смешивалась с теплым соленым привкусом слез. Он никогда не забудет эту миску холодной каши и две порции закусок.

У Бай Линъюня было неплохое ночное зрение. Наблюдая за тем, как мальчик жадно ест, он, помимо нахлынувшей печали, вынужден был думать о своем будущем в эту эпоху. Судя по осторожному отношению главы Чэня и Второго господина Цяня, его положение было неплохим. Роскошная мебель и дорогая одежда в шкафу подтверждали это — в те времена шелка и атлас могли позволить себе лишь богачи.

Деньги — основа всего. По крайней мере, они не дадут ему умереть с голоду на улице. В любую эпоху важно не то, насколько ты значим, а то, есть ли у тебя деньги, чтобы выжить.

Подумав об этом, Бай Линъюнь вскочил с кровати и бросился к шкафу. Банки в это время существовали, но доверия у народа не вызывали. Люди предпочитали прятать деньги в щелях между кирпичами пола, чем доверять их невидимым конторам. А уж что касается...

Бай Линъюнь закатил глаза, не желая произносить слово актеришка.

Юноша закончил с едой и ошарашенно наблюдал, как господин Бай нырнул в шкаф, переворачивая вещи вверх дном.

— Господин... — начал было мальчик, но Бай Линъюнь тут же выпрямился.

— Может, в тумбочке?

Пробормотав это, он бросился к кровати, встал на колени и принялся обшаривать все ящички в изголовье, а в конце концов даже вытащил их и прощупал пустоты внутри.

Его охватило дурное предчувствие. Он подбежал к туалетному столику и выдернул оба ящика — пусто.

Ни в шкафу, ни в тумбочке, ни в столике денег не было. В комнате площадью десять квадратных метров больше нигде было прятать вещи. Неужели и правда замурованы в кирпичи?

Бай Линъюнь встал посреди комнаты, скрестив руки на груди, и серьезно задумался над этой вероятностью.

— Господин Бай, вы что-то ищете? — осторожно спросил юноша, видя, что тот наконец замер.

Бай Линъюнь кивнул:

— Да, ищу деньги.

— Деньги? — выдохнул мальчик, тут же прикрыв рот рукой, словно боясь, что кто-то услышит. Он подбежал к Бай Линъюню и прошептал на ухо: — Тише, если кто услышит, вас опять начнут мучить.

Бай Линъюнь нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

Мальчик опешил. Неужели правда, как шептались другие актеры, что господин Бай повредился рассудком?

Видя изумленное и полное жалости лицо юноши, Бай Линъюнь после долгой паузы спросил:

— У меня... совсем нет денег, да?

Мальчик моргнул, приходя в себя:

— Вы что, не помните, господин Бай?

Бай Линъюнь понял: дело плохо. Независимо от того, был ли это другой мир или переселение душ, он попал в самый избитый сценарий — притвориться потерявшим память!

Собравшись с мыслями, он настроился на нужный лад и вошел в образ. В глазах отразились страх, замешательство и полное неведение. Он приложил пальцы ко лбу и сделал нетвердый шаг к кровати:

— Я... кажется, я и вправду ничего не помню из прошлого.

Сказав это, Бай Линъюнь едва не стошнило от самого себя. Слово дурак крутилось на языке.

Юноша испугался не на шутку и бросился его поддерживать:

— Господин Бай, не пугайтесь, я сейчас же побегу за господином Ху.

Бай Линъюнь схватил его за руку. Пусть этот господин Ху, ни то врач, ни то ученый, не представлял опасности, но лучше, чтобы о его потере памяти знало как можно меньше людей.

— У меня есть разговор к тебе, не торопись никого звать.

Мальчик колебался: а вдруг от этого пострадает здоровье господина Бая?

Бай Линъюнь беспомощно, слабо глянул на него и печально произнес:

— Ты что, больше не слушаешься меня?

Мальчик вздрогнул, воскликнул, что не смеет, и бережно уложил Бай Линъюня на кровать.

— Господин Бай, я весь во внимании. Пэйчуань всю жизнь будет слушать только вас.

Бай Линъюнь смущенно опустил голову. Использовать такие дешевые трюки против тринадцати-четырнадцатилетнего ребенка было просто позорно.

Он прочистил горло и спросил:

— Тебя зовут Пэйчуань?

— Да, фамилия Дай, имя Пэйчуань.

Произнося свое имя, мальчик держался с таким достоинством, что стало ясно: в те времена иметь приличное имя для простолюдина — большая редкость и честь.

Бай Линъюнь протянул ладонь вверх:

— Как пишутся эти иероглифы?

Мальчик потер палец о край одежды, а затем старательно вывел на ладони Бай Линъюня три иероглифа. Бай Линъюнь почувствовал каждое движение и, когда тот закончил, кивнул:

— Реки текут полноводно, сотни потоков сливаются в одно — хорошее имя.

Мальчик удивленно поднял голову. Неужели господин Бай настолько образован? Это имя его дед выпросил у учителя в академии за двадцать монет, и оно означало именно то, что сказал господин Бай.

Бай Линъюнь смутился — в современном мире его познаний едва ли хватило бы на что-то серьезное.

<http://bllate.org/book/19185/1883615>